

ИВАН КУДИШИН

ЮЖНЫЙ КРЕСТ ПОКА ЗА ГОРИЗОНТОМ

12+

Маленькая страна посреди Великого океана

Иван Кудишин

Южный Крест пока за горизонтом

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Кудишин И. В.

Южный Крест пока за горизонтом / И. В. Кудишин — «ЛитРес: Самиздат», 2007 — (Маленькая страна посреди Великого океана)

"Королева" Тихого океана четырехтрубный лайнер "Титания" ускользает из враждебного порта накануне начала Второй мировой войны. Но по пути к родным берегам его ждут смертельные опасности...

Светлой памяти Сэнди (Шурмана) О'Карпова

–Что, по-Вашему, это значит, а, Сотонэ? – выщелкнув за борт окурок сигареты, капитан первого ранга Ларин Эллиотт обернулась к старпому.

–Похоже, мы наживаем большие неприятности, мэм – степенно ответствовал пожилой монументальный моряк с роскошными седыми усищами, получивший с легкой руки боцмана Брайена кличку «Морж». Старпом основательно так облокотился на перила красного дерева и сделался похожим на огромный чугунный кнехт. С мостика прекрасно просматривалась акватория порта Дарметт, привольно раскинувшегося на берегах гигантской естественной бухты, на пять миль вдававшейся в побережье острова Помпеи. Поперек выхода из порта, откуда за прошедшую ночь как ветром сдуло все гражданские суда, катера ставили боновые заграждения (**наплавные заграждения, иногда с пиками, перекрывающие проход в узкостях. Эффективны против катеров и судов небольшого водоизмещения – прим. авт.**).

–Вы полагаете, война? – спокойным голосом спросила Ларин.

–Не полагаю, а уверен. Если еще не объявлена, то скоро, ждать недолго!

–Ждать? А старого бегемота ... не хотите?!

–Мэм, эти спичечки – Сотонэ, украдкой ухмыльнувшись на соленое словцо своей молодой начальницы, кивнул на боны – наша «Титания», конечно, разматывает, к бабке не ходить... А вот что будет далее – сие вопрос. И потом, ведь народ-то еще не до конца погрузился.

Старый моряк кивнул на пирс. Под высоченным бортом лайнера раздавалось гудение: сэнгерская колония торопилась покинуть негостеприимные берега королевства Помпея. «Титания», похоже, оказалась последним кораблем, способным эвакуировать сэнгамонских граждан из страны, являвшейся уже полтора года извечным антагонистом их Родины. Пирс напоминал муравейник: на борт пускали всех сэнгеров, того пожелавших. Затесалось, как слышала Ларин, и десятка полтора русских: дипломаты отправляли свои семьи прочь из Помпеи. Билетов, естественно, ни с кого уже не требовали. Хотя, если даже и нашелся бы какой-нибудь засранец с сэнгамонским гражданством, решивший по собственной воле остаться здесь, на негостеприимном острове, и предложить свои услуги кому бы то ни было, он вряд ли мог рассчитывать на что-то большее, чем концлагерь: помпейцы не жаловали перебежчиков.

Вдруг с пирса донесся ропот. Ларин перегнулась через ограждение крыла мостика и увидела, что помпейские полицейские разворачивают кордоны возле пирса, отсекая толпу от набережной. Кто не успел, тот опоздал... Ларин обернулась к матросу – секретарю (**На гражданских судах и боевых кораблях сэнгамонского флота обязанности по заполнению вахтенного журнала возлагались на матроса – секретаря, постоянно находившегося на ходовом мостике – прим. авт.**), склонившемуся над раскрытым вахтенным журналом:

–Секретарь, распорядитесь, чтобы вахтенные у трапа успокоили публику. Мы возьмем на борт всех до одного. Только пусть не орут в мегафон: помпи об этом знать необязательно!

Секретарь молча козырнул и потянулся к телефону. Набрал три цифры, отдал вполголоса короткое распоряжение.

–Сотонэ, похоже, из нашей «Титании» хотят соорудить самую большую сэнгероловку в мире! – Ларин пристально рассматривала боны в бинокль – Когда выйдем в море, удвоить наблюдательные вахты! Позаботьтесь о затемнении. Все передатчики опечатать: впредь до специального распоряжения объявляю режим полного радиомолчания. Скорее всего, они подстраховались на случай прорыва, нас могут торпедировать в открытом море. Ур-роды!.. Впрочем, будем рациональны. Вызовите Меллинджера, Сотонэ, и распорядитесь, чтобы оборудовали спальные места в салонах и коридорах, скатерти из ресторана первого класса пустите на гамаки. Штук пятьсот у нас в кладовках имеется, они прочные, из русского льна. Не хватит – используйте шезлонги с солнечной палубы! Да, пусть распорядитель рейса тщательно счи-

тает пассажиров. Нам же нужно будет кормить их, а провизии в обрез. А я пока что запрошу буксиры.

–Есть, мэм!

Сотонэ неспешной походкой вразвалку удалился с мостика. «Интересно, может хоть что-нибудь на Земле вывести Моржа из себя?» – в который раз мелькнула мысль у Ларин. Старика назначили в ее экипаж в начале года, когда все резервисты из торгового флота были призваны. Юджин Уолтер Сотонэ, урожденный Евгений Сатановский, приехал с престарелыми родителями из Одессы еще в Первую мировую (теперь уже Первую, а еще недавно – Последнюю из Войн, ха-ха!). Опытный моряк, работавший на должности штурмана в Российском обществе пароходства и торговли еще при царе, он повидал всякое. Что бы ни случилось, он сохранял полную невозмутимость, чем здорово помогал своим более молодым коллегам – судоводителям компании «Сэнг Нэвиглайнз», с которыми его свела судьба на борту старой прославленной «Титании». Ровный и вежливый с гораздо менее опытным начальством, требовательный, а когда надо – и лютый с подчиненными, Морж пользовался всеобщим уважением. Сейчас Ларин вздохнула спокойно: моржеусый педант-аккуратист четко выполнит все ее приказы, контролировать его попросту излишне.

Толпа с пирса, тем временем, приглушенно гомоня, по трапам втягивалась в чрево гигантского турбохода. Ларин отметила, что грузовые стрелы на баке так и остались закреплены «по-походному»: о серьезном багаже люди и не думали. Это изначально был не рядовой отход, а бегство, факт, предельно ясный для всех и каждого. Леди-капитан вздохнула и поднесла к уху черную трубку радиостанции ближней связи:

–Капитан лайнера «Титания» Ларин Эллиотт просит на связь диспетчерскую порта.

–В диспетчерской не могут отвятить Вам, мэм: поломка связного оборудования. – ответил ей бесстрастный голос с сильным помпейским акцентом на частоте диспетчерской.

–С кем я говорю?

–Начальник полтовой полиции майор ЕвРРат РоРРиет. – буквы Р в своем имени майор произнес раскатисто, старательно. Видимо, из китайской диаспоры: им «Р» с трудом дается...

–По расписанию мы отходим через полчаса. Нам нужны буксиры.

–Буксилы ня могут быть плядостявлены, мэм: они заняты на манявлах военно-молского флота.

Так-к! Значит, их попросту хотят задержать в порту до объявления войны, а затем захватить, как куропаток.

–Спасибо. – ровно проговорила Ларин и прервала связь без обычного «Конец связи». Поднесла к глазам бинокль. На противоположном берегу бухты у своих причалов, видимые даже сквозь легкую пелену тумана, стояли – постаивали четыре мощных портовых буксира... Поёжилась: влажный бриз с моря пронизывал холодом, сентябрь в Помпее – не лучший месяц. А скоро зарядят обложные дожди со снегом, за ними ударит лютый полярный мороз, и фарватер для судов, входящих в Дарметтскую гавань, станут очищать ото льда ледоколы «Мигдал» и «Курчун». Хорошо бы поскорее оказаться как можно дальше отсюда!

Толпа на пирсе заметно поредела. Над головами клубился легкий парок. Люди кутались в пальто, надвигали поглубже на глаза и уши разнообразные шляпы и шапки. Матросы с «Титании» по приказу распорядителя рейса спустились по штормтрапу на пирс и принялись успокаивать публику. Ропот стих: люди поняли, что их не бросят, что «Титания» возьмет на борт всех. Только где-то в глубине толпы тоненько, с подвывом, едва слышно плакал ребенок. Сердце сжалось. Ничего, всех вывезем! И доставим домой в целости и сохранности. Хоть Ларин и гражданский капитан, но диплом Метрополисской военно-морской академии у нее тоже имеется. Рубить хвосты ее учили отлично. Да и Сотонэ, как он уже успел показать, мастер экстракласса! Как он в узкостях маневрирует! Вот полторы недели назад он швартовался в Находкинской бухте без буксиров. И хоть бы царапина. Virtuoz, одно слово! А ведь длина

«Титании» – двести девяносто пять метров! Построенная двадцать шесть лет назад, «Добрая леда Тихого океана» до сих пор входила в десятку самых крупных лайнеров мира.

–Штурмана Снайдерса в штурманскую рубку! Принесите туда же карту погоды в северной части Тихого океана. – распорядилась Ларин, и через капитанский мостик направилась в свою каюту. Там в сейфе уже который год лежал опечатанный полотняный конверт с распоряжениями на случай начала военных действий для капитанов гражданских судов, работающих на линии Сити оф Сэнгамон – Нагасаки – Находка – Дарметт. Теперь вскрыть его было самое время. Пусть война еще не объявлена – вряд ли ее осудят за подобную предосторожность... Набран код, ключ с клапаном провернулся в скважине... Вот она, сугубая и трегубая мудрость высоколобых военно-морских аналитиков из отдела планирования, заключенная в грубоватую ткань и запечатанная серовато-синим сургучом (традиция, что тут поделать?!).

Решительно сломав печать, Ларин пробежала документ глазами, и ее соболи брови взлетели недоуменно вверх. «В случае, если начало боевых действий застало вас у южных берегов Помпеи, вам предписывается незамедлительно лечь на курс 260 и следовать к берегам Камчатки... Вдоль Курильской гряды и побережья Японии затем следовать на юг, а на траверзе острова Окинава ложиться на курс 130 и по ортодромии идти в Сэнгамон.» То есть, в общих чертах повторять свой же маршрут мирного времени! Ну да, и миролюбивые, белые и пушистые японцы так и быть, зажмурятся, пропуская «Титанию» мимо своих берегов. И своим лучшим друзьям не сообщат! Да и не факт, что Япония не выступит на стороне Помпеи, хотя отношения с ней у Сэнгамона пока вполне мирные. Ага, до двадцать второго июня у Западного Союза с Германией тоже была полная дружба и любовь... Кстати, сколько времени этот, с позволения сказать, хитрый план лежит в капитанском сейфе? Поди, с начала тридцатых. Черт бы побрал этих штабистов! Пусть сами подставляются.

На душе сделалось тоскливо и безысходно. Не сегодня – завтра Сэнгамон будет втянут в новую мировую войну. Ларин была абсолютно чужда политика, но изоляционисты, вопившие в парламенте лозунги, сводившиеся к немудрящему речению «Наша хата с краю!», вызывали у нее отвращение. Хотя, с другой стороны, в два последних захода в Находку «Титания» сгружала там большие партии станков, грузовики и даже самолеты. Президент Маршалл, верный союзническому долгу, подписал указ о военной и технической помощи Западному Союзу уже вечером 22 июня, как только гитлеровцы пересекли границу СССР.

И вот теперь – Дарметт. Радиоперехват уже неделю доставлял плохие новости: активизировался военный флот Помпеи, все крупные боевые единицы вышли в море, гражданские радиостанции прекратили транслировать джаз и модные фокстроты, отдавая предпочтение заунывным военным песням и героико-патриотическим маршам нацистского композитора Освальда Рильке. Представитель разведывательного департамента Ноэль Грант, появившийся в составе экипажа лайнера еще год назад, отрабатывал свой хлеб сторицей, регулярно получая тревожные шифровки о красной готовности к военной конфронтации и о том, что активизировались подводные лодки потенциального противника. Самое ценное – ему передавали квадраты их развертывания, разведчик в помпейском генштабе, как видно, обладал всей полнотой информации.

Наконец, посадка пассажиров завершилась. На гладком асфальте пирса там и сям валялись мусор и брошенные вещи. Кружились, подхваченные шаловливыми крохотными смерчками, какие-то мелкие бумажки. Мерзли полицейские в оцеплении, пуская изо рта струйки пара, тут же таявшие на несильном, но морозном ветру. Трапы убрали.

На мостике, возле двери в штурманскую рубку, ее ждали штурман Снайдерс с рулоном метеокарты под мышкой, и распорядитель рейса Меллинджер.

–У Джорджа для вас срочное сообщение! – пропустил распорядителя вперед Снайдерс.

–Капитан! У нас почти двукратная перегрузка, на борту две тысячи семьсот пятьдесят восемь пассажиров, из них около восьмисот детей, самому младшему – четыре месяца.

–Матерей с детьми – в каюты первого класса. Мужчин размещать преимущественно на шезлонгах и гамаках.

–Мы по своей инициативе уже оборудуем спальные места в кладовых и трюмах.

–Отлично, Джордж! Теперь. Немедленно инвентаризируйте все запасы провизии в кладовых и морозилках. Составьте рацион из расчета двухразового питания в течение тридцати дней. Молоко – только детям. И срочно примите меры по затемнению судна! Привлекайте пассажиров – пусть для себя же расстараятся. Действуйте, Джордж!

–Тридцать дней? Не много ли? – удивленно спросил Меллинджер.

–Да. Месяц, на всякий случай. Мы же будем петлять, как заяц. А голодовки на борту никак нельзя допустить.

Пухловатый лысый распорядитель, добрый славный штатник, перебравшийся в Сэнгамон в тридцатом, спасаясь от депрессии, обычно являвший собою воплощение радушия и предупредительности, четко повернулся через левое плечо и удалился по трапу вниз. Говорят, он командовал взводом в Первую войну... «Все-таки, повезло мне с экипажем. С такими не пропадешь!» – мельком подумалось Ларин.

–Брентон, пошли колдовать! – кивнула она штурману на дверь рубки.

Десяток секунд спустя они уже плечом к плечу склонялись над погодной картой, высокий статный моряк с офицерской выправкой и хрупкая девушка с отменной фигуркой и копной темно-русых волос. Карта была составлена позавчера. Конечно, верить ей можно с оглядкой, но все же, общая картина вырисовывалась более или менее точно. Для начала Ларин дала штурману ознакомиться с мудростью штабных планировщиков, а потом сожгла листки папиросной бумаги в пепельнице. Брентон полностью согласился с тем, что рекомендации «гроша выеденного» не стоят, и тут же предложил альтернативу:

–Смотрите, капитан: теплые области низкого давления к югу от Дарметта. Притом, околоштиливая погода. Выходит, туман, и густой! Видимость нулевая. Поворачиваем не на запад, а на восток, и потихонечку, не поднимая волны, ссыпаем к южной Аляске. Естественно, крейсерским ходом! Через тридцать шесть часов будем уже у Джюно. Там резко разворачиваемся, и двигаем на глубину, потом делаем зигзаг...

–Да понятно, что помпейских пароходов там нету. НО! Брентон, у нас ограниченный запас хода, топлива-то нам помпы недогрузили!

–Ну и что? Зайдем в Ванкувер, Эл-Эй или Фриско!

–И американцы нас интернируют тут же!

–А мы – как частное судно.

–Под флагом страны – комбатанта (**Комбатант – участник боевых действий. Прим. авт.**), Брен, ты что, полицейских на пирсе не видел? Мы же скоро станем комбатантами.

–Несколько аргументов против, можно? Помпея всегда клала с агрегатом на международные соглашения и правила. Да, сейчас ее флот в море, но войну они объявят – если объявят – не раньше, чем их корабли выйдут на позиции. А это верных десять дней. Флот вышел вчера. Потом. На нашу «Титанию» помпы всегда истекали слюной, как на военный транспорт, вот и сейчас считают, что подловили. Так что захватывать нас будут – опять же, если будут – еще в мирное время, и у нас остается недельный люфт до Ванкувера, ежели подсуетимся.

–А ты боны поперек горла бухты видел?

–А Вы про наши ледовые подкрепления не забыли?! Мы же можем работать, как ледорез! Боны – это хорошо против торпедных катеров. А у нас еще есть Сотонэ!

Вообще-то, Брен Снайдерс и Ларин Эллиотт были однокашниками выпуска 1936 года, и предпочитали сидеть за одной партой. Ларин, юная командирша, поначалу предпочитала строить своего мягкого и недостаточно решительного друга в три шеренги, но уже на втором курсе Метрополисской академии отказалась от этих ухваток, достойных, разве что, юной смазливой, но безмозглой девчонки, занимающейся охотой на женихов.

Просто потому что, несмотря на немое обожание по отношению к ней, Брен Снайдерс был всегда корректен и держал дистанцию, хоть и едва заметную. Он был штурманом от Бога, и не раз выручал Ларин на зачетах и экзаменах, хотя Ларин тоже была далеко не бесталанна. Ну не давалась девчонке теория гирокомпасов, а вот Брентон по ней имел хронические «двадцать» (**В сэнгамонских высших учебных заведениях принята двадцатибалльная система оценок – прим. авт.**). И ташил, в меру своих недюжинных талантов и способностей, свою первую любовь, красавицу, умницу, командиршу, сердцеедку, беспощадную Ларин. «Larine, Larine, I'll see You in my dream...» А потом, после выпуска, их разбросало: Брентон ушел на военный флот, а Ларин, способнейшую и подававшую огромные надежды, определили вторым помощником на один из величайших пассажирских лайнеров в истории. Вскоре она уже была первым помощником – старая гвардия уходила в отставку. А в этом рейсе она впервые шла капитаном, с внеочередным присвоением звания каперанга – на лучших пассажирских лайнерах весь командный состав имел воинские звания. Как же она была удивлена и, чего греха таить, обрадована, увидев в списке экипажа СВОЕГО Брентона. Оказалось, не пройдя очередную медкомиссию военно-морского флота (нервы не в порядке, молодой человек!), Снайдерс был переведен в резервисты второй очереди, и оказался под началом Ларин на «Титании».

–Значит, туман, говоришь... – задумчиво проговорила она – А не вмажемся? К западу-то идет глубоководье, а к востоку – сплошняком мели да рифы...

–У меня на примете один золотой кадр, Ларин. Парнишка виртуозно работает на эхолоте. Так что промеры глубины с высокой точностью нам обеспечены.

–Но ведь ему когда-то и спать нужно, Брен.

–Я сам посижу.

–Ага, а проводку по счислению (**Метод навигации без ориентиров и при отсутствии видимости светил, с использованием только курса судна, скорости, силы и направления ветра, течений и т.п. – прим. авт.**) кто будет вести? Роберт Бернс?

–Перебедуюем, капитан! И где только наша не пропадала?!

–Все. Задачу я вам поставила, штурман. Идите! Если нас не выпустят по расписанию – прорыв с заходом Солнца. Будьте наготове!

–Есть, мэм!

Снайдерс, коротко поглядев напоследок на Ларин взглядом преданного пса, скрылся за дверь.

Итак, прорыв в центральный Пасифик вдоль северо-западного побережья США... Хуже не придумаешь, особенно учитывая туман. В мирное время ни за что б не согласилась! Тысячи мелких островков, каменистые отмели, рифы, скалы, блуждающие песчаные банки... Но единственный шанс для трехсотметровой махины остаться незамеченной – укрыться в тумане. Иначе – схарчат, как крольчонка. Так, когда у нас закат? Через час сорок. Что ж, пары подняты, машинное отделение готово.

Размышления Ларин прервали звуки приглушенной перебранки в коридоре. Затем в дверь бесцеремонно забарабанили. В одном из голосов Ларин узнала Меллинджера, другой, властный и капризный одновременно, был ей незнаком.

–Войдите! – ничего не оставалось, кроме как пригласить спорщиков в рубку. Прежде чем дверь открылась, Ларин пружинисто встала и подошла к ней вплотную, закрывая спиной прокладочный стол с картой погоды, расстеленной на нем.

На пороге стоял до невероятности лохотный тощий типчик лет этак сорока, в черной пиджачной паре, с умопомрачительным галстуком цвета сэнгамонского флага, с голливудскими подбритыми усиками и черной шевелюрой, глянцево набриолиненной и зачесанной волосок к волоску назад. Голубые круглые глаза его метали молнии. Из-за его плеча робко выглядывал перепуганный распорядитель рейса.

–Девушка, вы здесь капитанствуете? – спросил он тоном, не терпящим возражений.

–Капитан первого ранга Эллиотт, к Вашим услугам, сэр. – сдержанно представилась Ларин.

–Я не слышал ответа на свой вопрос, девушка! Впрочем, к чертям! Если я не получу в свое распоряжение каюту – люкс, за которую я заплатил сполна, вы и не заметите, как опять очутитесь в лейтенантах! Это понятно, мисс?

– Попрошу Вас для начала представиться, мистер. И не хамить, я при исполнении.

–Ой-ой-ой! Не стройте из себя... непонятно кого! Я – барон де Стил Стар Хоррис, чрезвычайный и полномочный посол Республики Сэнгамон в Помпее! И я требую, чтобы мой люкс освободили от брюхатых... – голос барона дал «петуха», он явно был в истерике.

–Рот закрой! – тихо произнесла Ларин, хмурясь и медленно кладя руку на кобуру.

–Что? Да как вы...

–Слушай внимательно, мерин, дважды повторять не буду. На борту объявлено военное положение. Согласно ему, пассажиры беспрекословно подчиняются приказам команды. Иначе – ссадим к чертовой матери на пирс, будешь разводить дипломатию с помпейцами. Или возьми билет на следующий пароход. Что неясно?

–Согласно моему статусу...

–...Ты здесь – не более чем рядовой пассажир, согласно твоему сраному статусу. А я здесь – первая после Бога. Будешь возникать или еще раз назовешь беременных брюхатыми – изолирую. Карцера нет, так что в боцманской кладовой поторчишь, там как раз свежая олифа и нитрокраска. Придем в Сити оф Сэнгамон – жалуйся кому хочешь, хоть Президенту! Ну что, каков ваш выбор, де Хоррис?

–Мои жена и дочери...

–Женщин размещают в каютах. Мужчин – как получится, у нас двукратная перегрузка.

–Я заплачу, сколько надо! Мне нужен мой люкс, мне необходимо работать с секретными документами!

–Тогда – милости просим в спецкомнату библиотеки. Или к судовому казначею. Там вам предоставят изолированное помещение.

–Вы не понимаете, милочка!..

–Мэм. Милочки в дарметтских борделях. Мне надоело вас убеждать, де Хоррис. Меллинджер, позвоните-ка судовую полицию! Пусть господин посол поработает со своими документами в кладовой.

–Нет! Не надо полиции. Я подчиняюсь насилию! – пошел на попятную барон, но тут же добавил:

–Это вам даром не пройдет, запомните, госпожа Эллиотт!

–Если вопрос исчерпан, покиньте служебное помещение, господин посол!

Барон вымелся неожиданно быстро. Нет, ну вот ведь кретин! Непроходимый! Все ведь ему известно, и о военном положении, и о перегрузке, а все туда же, в бутылку! Ларин прекрасно понимала, что никаких репрессий сверху за этим инцидентом не последует: она действовала исключительно в своем праве. Но наглость и хамство этого, с позволения сказать, государственного мужа выбили ее из колеи. Пару раз глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, Ларин направилась обратно на мостик.

Дымка на западе алела, но солнца уже не было видно. Что ж, это нам на руку... Чем хуже видимость, тем нам лучше. Положимся на чутье и умение Моржа. Отойти от причала ему труда не составит, потом тараним бонь... А что, если они с сюрпризами? Например, заминированы? Тогда рейс окончится, не успев начаться. Но Брентон давеча упомянул, что помпы очень хотят «Титанию» в качестве военного транспорта, стало быть – просто давят на психику, без всяких мин. Что ж, ждать развязки осталось совсем недолго.

Вдруг непривычную тишину опустевшего порта разорвала пулеметная очередь. Окна рулевой рубки с правого борта разлетелись вдребезги.

–Спустить тлап! – прогремело с пирса в мегафон.

Ларин уже распласталась на палубе. Рядом шумно пыхтел так же заученно распластавшийся матрос – рулевой.

Ага! Началось!

Ларин ползком добралась до пульта и наощупь врубила массивный тумблер корабельной трансляции. Рванула из гнезда микрофон:

–Всем пассажирам и свободным от вахты!!! Говорит капитан. Лечь на палубу!!! Лечь на палубу! Старпома срочно на мостик!!!

Пули тщетно лупили в двенадцатимиллиметровые стальные листы борта. А вот если на их траектории оказывалось стекло иллюминатора – следовал звон и дребезг. Не прошло и минуты, как дверь рулевой рубки распахнулась, и восшествовал невозмутимый Морж.

–Негодяи подогнали броневики, думали запугать!

–Сотонэ, лежа на палубе безопаснее!

–Ага, а как я командовать буду?! – старпом стремительно, хотя и в то же время степенно, прошествовал к тумбам машинных телеграфов. По ходу принял у Ларин микрофон громкого вещания.

–Палубные!!! Рубить причальные концы к чертовой матери! Да поможет нам Бог!

Сквозь прерывистый треск пулеметов с пирса Ларин через несколько секунд расслышала всплески: носовые причальные концы упали в воду. Рядом с кнехтами еще с сегодняшнего утра дежурили матросы с топорами. Раздались звонки: Сотонэ перебросил рукоятки правых телеграфов в положение «малый вперед».

–Спустит тлап!!! На вяшем болту няходяться пляступники!!! – надрывался мегафон с суши.

Ага, шазз! Гуд-бай, Дарметт!

Ларин встала плечом к плечу с Сотонэ. Теперь, похоже, по мостику работало два или три пулемета, но достать их не могли: пирс слишком узкий, разве что рикошетом...

Как будто в ответ на мысль Ларин, раздался визг рикошетирующих пуль. Обожгло спину. Кажется, задели, но несерьезно. Сотонэ беззвучно схватился за плечо. Достали, гады! Между тем, панорама за носовыми окнами рубки поползла вправо: турбинисты отреагировали на команду с похвальной быстротой. Ларин и Сотонэ, вставший за обитый бронзой тиковый штурвал, пригнувшись, во все глаза глядели вперед: выжидали момент, когда нос лайнера укажет точно на середину едва виднеющейся в дымке гряды бонов.

–Матрос, хватит отдыхать! Левым машинам–малый вперед! – совершенно спокойно произнес Морж. Пули цокали по стене рубки, визжали, рикошетируя, вокруг. Разлетелось стекло кренометра. Ларин обернулась к Сотонэ и увидела, что из плеча старпома толчками хлещет кровь. Матросик, забыв про страх, сковывавший его еще секунду назад, повинувшись приказу Моржа, бросился к телеграфным тумбам, перекинул рукоятки... и, дернувшись, осел. На спине его белоснежной форменки расплывалось темно-вишневое пятно.

В это время лайнер коротко содрогнулся. «Винт задел за пирс!» – промелькнула мысль у Ларин.

–Самый полный вперед! – четко отрубил Сотонэ. И добавил:

–Капитан, носовой платок есть? А то у меня в плече сквозняк! И четырех матросов на мостик. Трое чтоб меня держать, один – на штурвал.

Как ей удалось перекинуть все четыре рукоятки на «самый полный» и одновременно – заткнуть дырку в плече Сотонэ, Ларин позже не смогла бы описать. Единственное, что запомнилось – ощущение под пальцами круглого аккуратного отверстия в плече Моржа, давления хлещущей крови. Носовой платок, идеально чистый (сегодня из стирки!), тут же забাগровел. Как она кричала в микрофон, вызывая матросов – с матюками, вывертами и прочим – по громкому вещанию, этого не передаст никто. Пожилой старпом слабел на глазах. Не прошло

и минуты, как он уже буквально висел на вымбовках (**рукоятки – прим. авт.**) штурвала. Обстрел мостика прекратился, в недрах корпуса «Титании» надрывались турбины. Палуба под ногами мелко вибрировала. Но пароход не двигался с места.

Матросы, дежурившие с топорами у кормовых швартовов, не имевшие никакой защиты, кроме решетчатых релингов (**перила, ограждающие борт – прим. авт.**), были расстреляны с пирса. Два толстенных манильских каната натянулись, как струны, не отпуская махину. Буруны от винтов хлынули на низкий пирс, смыв броневик и полицейский кордон в воду. Наконец, раздались два хлопка – швартовы не выдержали, взметнулись в воздух и опали на причал, извиваясь, убивая и калеча тех, кого не унесло волной. «Титания» величаво набрала ход и рванулась к горлу бухты. С кромок четырех высоких труб срывались шлейфы серого дыма. В сгущавшейся темноте громадный лайнер, на борту которого не горело ни единого огонька, смотрелся кораблем – призраком. Моряки на катерах – боновых постановщиках замерли в ужасе. Громада высотой в многоэтажный дом летела на них, извергая дым, с приглушенным гулом турбин и плеском воды под форштевнем. Белопенный бурун, распускаемый носом «Титании», направился точно в середину боновой стены. Остановить гиганта сейчас было невозможно. В грохоте, голке, хрусте и стоне вековых стволов, из которых были сооружены боны, взлетел фонтан щепы и стальных скрепов вперемешку с истерзанной людской плотью: на пути четырехтрубного гиганта оказался один из катеров. Лайнер обрел свободу. Пройдя линию бонов, «Титания» резко отвернула влево, обходя отмель, чиркнув по песку дна скуловым килем. Находившиеся на ее борту люди замерли, не смея шелохнуться. Многие после объявленной по громкой трансляции тревоги так и не успели подняться с палубы. Никто не кричал, не бился в истерике, не плакал. Лишь некоторые пассажиры вполголоса бормотали молитвы и истово крестились. Спутная волна от лайнера захлестнула и перевернула второй боновый заградитель, как скорлупку. Его экипаж тут же пошел ко дну: вода была ледяная, а разгильдяи – портофлотцы не жаловали такое излишество, как спасжилет.

Сотонэ поддерживали трое матросов, не давая Моржу упасть. Фельдшер уже разрезал одежду на торсе старпома, наложил жгут, и сейчас бинтовал рану, сдерживая кровопотерю. У штурвала стояла Ларин. Подчиняясь командам своего опытнейшего коллеги, она с ювелирной точностью маневрировала, выводя вверенный ей лайнер на глубокую воду. Удара при таране бонов на мостике даже не ощутили, послышался лишь жалобный треск. Что ж, будем надеяться на то, что судно избежало серьезных повреждений. Не мы эту игру, в конце концов, начали!

Тем временем цвет небосвода сменился на глубокий зеленовато-синий, лишь на западе-юго-западе облака еще алели, подкрашенные закатным солнцем. По мостику гулял ледяной ветер, врываясь в проемы выбитых окон и многочисленные пулевые пробоины. Дымка вокруг лайнера сгущалась. Ну что ж, благослови, Господи, нашу инерциальную навигационную гиросистему и дай сил и умения Брентону! Не удосужившись оснастить свои боевые корабли радиолокаторами, помпейцы сейчас слепо рыщут в сплошном тумане, не в силах перехватить «Титанию» у выхода из порта. Подлодки в такую погоду тоже вряд ли способны атаковать.

Сотонэ унесли в лазарет, как только судно миновало входной створ Дарметтской бухты. Молодой матросик из палубных принес Ларин теплый бушлат и термос с крепким кофе. Он доложил, что среди пассажиров пострадавших нет, из экипажа трое убиты и восемнадцать человек – ранены. На спине у Ларин оказался всего-навсего порез от отлетевшего осколка стекла. Болезненно, но неопасно. Фельдшер, тем не менее, заставил ее избавиться от форменного блейзера и блузки, промыл рану, вылил в нее не меньше пары наперстков пленкообразующей зеленки, и наложил повязку. Он настаивал, чтобы капитан побывала в лазарете, но Ларин услала его с мостика своей властью. Аварийная партия вскоре обследовала форпик (**носовой водонепроницаемый отсек – прим. авт.**) и оглядела с беседок наружное состояние форштевня. Оказалось, что все повреждения ограничились несколькими глубокими царапинами на ледовых подкреплениях, как и предсказывал Морж. Телефонная связь на мостике не дей-

ствовала – пуля перебила кабели. Для контроля глубины под килем приходилось пользоваться переносным полевым телефоном, споро и без лишних слов протянутым стюардами (ребята с военной выправкой – отметила Ларин) к рабочему месту эхолоторщика. На эхолоте сейчас работал тот самый «золотой кадр» Brentona – судя по голосу, совсем еще мальчишка, Ларин не знала его.

Вообще-то, ходовой экипаж лайнера насчитывал всего полторы сотни человек – офицеры и мичмана (теперь на мичманских должностях были, в основном, матросы, списанные из ВМС), небольшая палубная команда, механики, смазчики, машинная команда. Львиную же долю команды составлял обслуживающий персонал: администрация рейса, стюарды, коки, официанты, профессиональные артисты для развлечения публики, небольшое полицейское подразделение, лифтеры, посыльные. Их на борту было более трех с половиной сотен. Было бы еще больше, если бы «Титания», по образцу европейских лайнеров, имела три класса, а не два – первый и туристский.

– Проходим стометровую изобату (**Изобата – линия равных глубин. Прим. авт.**), мэм! – доложил эхолоторщик.

Брен не ошибся с погодой: берег уже канул без следа в сгустившейся дымке. Ларин переложила штурвал влево. Судно послушно развернулось на новый курс. На восток, к американскому побережью! К скалам и мелям, к сотням мелких островков, среди которых нашли могилу многие корабли и моряки. Туда, где враг не будет их искать... Надеемся, что не будет...

На затемненном мостике призрачно сияли синеватым светом лишь шкалы приборов. Сырой холодный ветер пронизывал до костей. На правом крыле суетились матросы, меняя расколотые стекла. Беднягам приходилось работать практически наощупь, пользуясь маломощными фонариками с синими светофильтрами: светомаскировка во враждебных водах должна была быть идеальной. И локатор не включишь: запросто могут засесть! Оставалось полагаться на промеры глубины и на зрение впередсмотрящих. Ночь спустилась темная, беззвездная. Туман густел. Согласно расчетам Брена, впереди была свободная вода. До четырех часов ночи можно было идти самым полным, двадцатичетырехузловым ходом, а потом – снижать скорость, чтобы не врезаться сослепу. В нижних помещениях стюарды и администраторы, наконец, предоставили всем пассажирам какие-никакие спальные места. Работники ресторанов лихорадочно распределяли своих клиентов по двум сменам. Ужин пассажирам раздали сухим пайком. Во втором часу ночи на «Титании», наконец, наступило сонное царство.

Впередсмотрящим и наблюдателям, впрочем, спать не полагалось. Подкрепляя себя крепчайшим «ночным» кофе, матросы изо всех сил пытались пронизать взглядом туман, простирившийся кругом. Это было нелегко: видимость – не больше сотни метров, неясно было, где заканчивается туман и начинаются источающие лёгкий парок волны. И вдруг наблюдатель, занимавший пост на изрешеченном пулями правом крыле мостика, двадцатилетний Лесли Мангоджерри, зацепился взором за нечто, чего не должно было быть: в полутора – двух сотнях метров от борта лайнера по воде наперерез ему шла прямая белая полоса. Не отрывая от нее глаз, Лесли закричал в телефон связи с рубкой:

– Правый борт, тридцать, дистанция двести!!! Торпеды!!!

Дистанция была слишком мала, чтобы отворачивать влево; оставалась слабая надежда на то, что, изменив курс вправо на тридцать градусов, «Титания» пропустит «сигары» вдоль борта. Ларин поняла, что это решение – единственно верное.

– Право на борт!

Рулевой завращал штурвальное колесо, картушка компаса лениво покатила против часовой стрелки. Судно, тем не менее, ощутимо покачнулось, резко входя в циркуляцию с минимальным радиусом. Мангоджерри с ужасом смотрел, как белая полоса, на конце которой неумолимо приближалась гибель, указывает на «Титанию». Правее из тумана тянулась еще одна белая полоска. Волосы его готовы были подняться дыбом, когда судно стало поворачивать

не влево, прочь от торпед, а вправо... Перегнувшись через перила, наблюдатель углядел, как сигара под исчезающе-острым углом приближается к борту... прошла буквально у него под ногами... ударила в борт с глухим звуком... не взорвалась!!! Рикошетом торпеду отбросило от судна, а дальше она попала в струи винтов лайнера и поразила горизонт.

–Наблюдатель, что произошло с торпедой?? – раздался в трубке взволнованный женский голос.

–Она... Мэм, она клюнула нас в район миделя (**Мидель – середина корпуса корабля.**

Прим. авт.), и... и не взорвалась! Она ушла!

–А сколько всего было торпед, вам удалось разглядеть?

–Минимум две, мэм.

–Спасибо, наблюдатель! Ваше имя и звание?

–Матрос Лэс Мангоджерри, мэм!

До отключения линии Мангоджерри успел расслышать: «Прямо руль! Тридцать влево!»

Шли секунды. Рулевой несколько замешкался с возвращением на прежний курс. Ларин только открыла рот, чтобы сделать ему замечание, как вдруг «Титанию» довольно сильно потрянуло. Насыщенный водяными парами воздух донес до наблюдателей глухое «БУММММ!!!» и натужный долгий стон металла о металл. «Титания» во что-то врезалась?! Или – все же взрыв? Нет, на взрыв не похоже. На воде тем временем показалось нечто более темное, чем поверхность моря... Что-то, окруженное белой пеной и кипенью пузырьков. Мелькнула рубка с торчащим над ней перископом.

–Мостик! Мы только что протаранили подводную лодку... – произнес непослушными губами Мангоджерри. Ноги сделались предательски ватными, захотелось немедленно сесть на палубу.

–Аварийную команду – в нос! Осмотреть форпик и отсеки, установить объем повреждений! – распорядилась Ларин, услышав доклад Мангоджерри. Толстая высококачественная сталь прочного корпуса подлодки – это не бревенчатые боны, можно получить огромный объем затоплений на счет «три». Но, вместе с тем, если они отправили на дно лодку, выпустившую по ним залп, их шансы на успешный прорыв увеличиваются: промахнувшись, хищник до своей гибели не успел передать их координаты и курс в эфир. Приказав снизить ход до самого малого, Ларин стала нетерпеливо ждать докладов.

Первый же из них принес неприятные известия: под ватерлинией в самом носу образовалась нешуточная пробоина. Водонепроницаемая таранная переборка, сделанная из броневой стали, держала давление воды, но если дать ход, неясно, сколько она продержится. И потом, абсолютно непонятно, какова форма пробоины, пострадал ли форштевень, насколько придется снижать скорость? Необходимо спустить водолаза... Это – до утра, если не дольше, а, стало быть, график движения к Джюно летит ко всем чертям!

–Корабельного плотника и водолазов – на мостик! Боцмана с матросами – на бак! – распорядилась Ларин. Глаза предательски слипались, пришлось услатить вестового за кружкой «ночного» кофе с настоем колы. Сердце теперь будет часа четыре дубасить в ребра, но зато бодрость и чистота помыслов, не замутнённых мыслями о теплой койке и сне, более или менее гарантированы.

–Да, и еще: пусть в корабельной канцелярии позаботятся о производстве Лэса Мангоджерри в старшие матросы... – проговорила Ларин, отдав все первостепенные распоряжения.

Первыми на мостик явились водолазы, точнее, молоденькие ребятки, исполнявшие матросские должности и имевшие водолазные специальности. Штатных водолазов в экипаже «Титании» предусмотрено не было. Оба паренька были до неприличия юными, лет не больше двадцати. Оба, тем не менее, как значилось, закончили водолазные школы с отличием: один в Сити оф Сэнгамон, другой – в Маргарита-Сити. Ларин усадила их на табуреты возле зад-

ней переборки. Внимательно посмотрела на обоих, насколько это позволял царивший вокруг полумрак.

–Про отличие – это правда? – был первый ее вопрос.

–Да, мэм!!! – с энтузиазмом ответили оба парнишки. Один, курчавый брюнет – явный итальянец. Второй – белобрысик, казавшийся в синем свете приборных шкал совсем седым. Господи, какие симпатяги оба! Полны решимости и жажды действия, судя по лицам.

–Хорошо, джентльмены. Тогда – главный вопрос. Вы когда-нибудь работали в ночных условиях, при нулевой видимости?

Ответ последовал слаженный и, опять же, в два голоса, впору в хоре петь:

–Да, мэм!

–Вы, Геневезе. Как Вас учили?

–В колодце ливневой канализации!

–А Вас, Бьёрнстрём?

–Точно так же, мэм.

–У нас есть два полужестких костюма и электромагнитные присоски для фиксирования стальных листов перед сваркой. Умеете ими пользоваться?

Бьёрнстрём ответил утвердительно, не задумываясь; Геневезе – тоже, но немного замямившись.

–Геневезе, мне нужно не геройство, а честный ответ.

–Умею, мэм. Только практики маловато. Я справлюсь!

–Что ж, отлично. Ставлю задание, господа водолазы! Геневезе идет на погружение с правого борта, Бьёрнстрём – с левого, в кратчайшие сроки установить объем повреждений подводной части. Работы будут производиться без хода. Затем, нужно будет обрезать острые края пробоин, торчащие наружу, и приварить стальные листы, чтобы закрыть их. В нескольких точках, по контуру не надо. На все про все у вас три четверти часа. Больше мы стоять не можем. Парни, я, конечно, могу объявить о том, что для выполнения этого задания требуются добровольцы. Но кроме вас, на борту нет людей, владеющих водолазным искусством. На вас вся надежда. Потому что, если мы пойдем дальше с пробитым носом, больше двенадцати узлов нам не развить. – Ларин выдержала паузу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.